

Е.А. Верещака

ОБМЕН ЖЕНАМИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУКЧЕЙ

Обычай, за которым в этнографической литературе закрепилось название «товарищество по жене», был широко распространен среди чукчей. Сведения о нем порой противоречивы, однако, проанализировав имеющийся в распоряжении современного исследователя материал, можно очертить круг утверждений, которые делаются если не всеми, то, как минимум, несколькими авторами, описавшими данную традицию.

Каждый женатый мужчина мог предоставить право другому (как правило, также женатому) мужчине вступить в сексуальные отношения с его женой. Приглашение редко встречало отказ, но если это происходило, то он воспринимался как серьезное оскорбление. Приняв в дар «чужую» женщину, мужчина спустя какое-то время должен был произвести аналогичные ответные действия и поделиться с теперь уже «другом», или «товарищем», своей женой. В результате между мужчинами устанавливались близкие отношения, которые часто сравнивались исследователями с родственными, а у самих чукчей получили особое название — *н'эв-тумгын*, что переводится как «товарищество по жене»: *н'эвээн* — жена; *томгьльятгыргын* — товарищество, дружба; *тумгьтум* (мн. *тумгьт*) — товарищ [Чукотско-русский словарь 2005].

На протяжении долгого времени в отечественной этнографии господствовало понимание «мены жен» как пережитка некогда существовавшего группового брака. Теория о групповом браке, согласно которой он представляет собой первичную и универсальную форму в развитии семейной организации человечества, возникла в рамках эволюционизма в конце XIX в. и была обоснована Л.Г. Морганом [1934]. Впоследствии, как считал Л.Г. Морган и его сторонники, групповой брак сменяется первобытным парным, но сохраняются его пережитки в обществе. Такая схема была принята в советской этнографии, и исследователи искали ей подтверждение. В частности, были найдены пережитки группового брака у народов Северо-Восточной Сибири, которые усматривались в чукотском обычае *н'эв-тумгын*. Утверждалось, что «в прошлом у чукчей прева-лировал групповой брак в определенных возрастных группах,

исключавших близких родственников, родных братьев и сестер» [Симченко 1970: 318]. Приводилась следующая аргументация:

— «Товарищество по жене» — это союз между несколькими брачными парами, т.е. в него входит группа лиц [Там же 1970: 317].

— Членами такого союза были двоюродные и троюродные (но никогда родные) братья либо же люди, не связанные родством. Вступление в групповой брак людей с большой разницей в возрасте порицалось [Там же].

— Люди, вступающие в отношения *н'эв-тумгын*, совершали помазание кровью и жертвоприношение, т.е. те же обряды, что исполняются при заключении обычного брака [Там же: 317–318].

— Участники «товарищества по жене» обладали определенными правами и обязанностями, как моральными, так и материальными, по отношению друг к другу [Вдовин 1965: 84].

— СТР чукчей разделяет всех родственников на 5 возрастных групп: родителей родителей, родителей, группу эго, детей и детей детей. Такая номенклатура родства трактовалась как пережиток не так давно существовавшей в чукотском обществе «кровнородственной семьи»¹, т.е. такой формы группового брака, который заключается между родными и коллатеральными братьями и сестрами. Данная структура препятствует связям лишь индивидов, принадлежащих к разным поколениям [Вдовин 1948: 57–60; Симченко 1970: 316–317].

Таким образом, «товарищество по жене» рассматривалось как реликтовое явление, сохранившееся со времен существования материнского рода, который, как предполагалось, к XVIII в. уже разложился, но оставил ряд пережиточных явлений в общественном строе чукчей, а именно: кровную месть, левират, сорорат, СТР и групповой брак в виде «товарищества по жене» [Вдовин 1948: 57, 60–61; Симченко 1970: 315].

Вышеприведенная система доказательств далеко не бесспорна и может быть подвергнута критике. Так, на несостоятельность первого пункта указывал еще А.Н. Максимов, заметивший, что «отношения переменного брака связывают не группу мужчин с группой женщин, а отдельных лиц. Если А связан отношениями переменного брака с В и С, то это отнюдь не предполагает, чтобы те же отношения связывали и В и С между собою... Переменный брак есть частное соглашение

двух отдельных мужчин, и сколько бы каждый из них ни заключал подобных соглашений еще с другими лицами, эти отдельные соглашения все же не сольются в одно общее групповое соглашение; единоличные акты так и останутся единоличными» [Максимов 1908: 34–35]. И действительно, в институте *н'эв-тумгын* нет ничего общего с тем, о чем писал Л.Г. Морган, т.е. нет группы мужчин, совместно состоящей в браке с группой женщин.

Второй тезис имеет аргументационную силу только в том случае, если признать гипотезу Л.Г. Моргана о постепенном элиминировании из брачных связей сначала родственников по вертикальной линии (родственников разных поколений), а затем и по боковой (братьев и сестёр). Но сегодня уже стала очевидной несостоятельность данной схемы [см.: Крюков 1972: 6–56].

Что касается обряда помазания кровью, то В.Г. Богораз действительно отмечал, что он наряду с жертвоприношением сопровождал заключение союза, после чего участники считались принадлежащими к одному огню [Богораз 1934: 136]. Позднее этнографы стали сопоставлять эти обрядовые действия с обычным свадебным ритуалом, при этом сам В.Г. Богораз таких параллелей не проводил. Критикуя данное сравнение, во-первых, отмечу, что в других известных мне источниках ни о чем подобном не упоминается. Более того, сам В.Г. Богораз признавал, что «в настоящее время», т.е. на момент его пребывания на Чукотке, «групповой брак заключается без всяких обрядов» [Там же: 137]. В общем, остается непонятым, из какого источника исследователь почерпнул информацию о совершаемых жертвоприношениях и помазании кровью. Во-вторых, даже если исходить из принципа «презумпции невиновности источника» и признать, что описанный В.Г. Богоразом ритуал действительно существовал в культуре чукчей, тем не менее все равно не будет достаточных оснований для определения его как свадебного обряда, т.к. между этими двумя ритуалами существуют определенные отличия. В то время как при заключении брака помазание жениха и невесты кровью жертвенного оленя проводят два раза в шатре жениха и один раз в шатре невесты, в результате чего «жена наконец связывает себя с новым очагом и окончательно становится членом новой семьи» [Там же: 130–131], при установлении связей *н'эв-тумгын* обряд проводят по одному разу «сначала в одном шатре, потом в другом» [Там же: 136]. Таким образом, в первом случае про-

исходит инкорпорация человека в новую для него семейную группу, а во втором осуществляется приобщение членов двух разных коллективов к символике друг друга, что способствует установлению более тесных связей между ними. При этом обряд, видимо, носил казуальный характер, и впоследствии семьи уже не использовали знаки друг друга, по крайней мере, В.Г. Богораз ничего не говорит о практике дальнейшего применения новых семейных знаков при помазании кровью. Кроме того, свадебный обряд предполагал целый комплекс действий, помимо помазания кровью, которые при заключении союза *н'эв-тумгын* не осуществлялись. Так, жених, если не совершал похищения невесты или не становился приемным зятем, добывался ее путем так называемой «отработки», т.е. он переселялся к своему будущему тестю и помогал ему в различных видах работ, например, в выпасе оленей [Там же: 119–124]. После получения согласия отца невесты новобрачные из ее стойбища/поселения перемещались в место проживания семейной группы жениха. Здесь и происходило первое помазание кровью и жертвоприношение. Через несколько дней совершалась вторая часть свадебного обряда — «путешествие из-за скуки»: молодожены ехали к тестю, где уже наносились на лица семейные знаки жены. При этом жених привозил в подарок упряжных оленей, которых молодому человеку помогали собирать его родственники. Помимо этого, дарили колобки из толченого мяса, соответствующие, как правило, числу даримых оленей. На следующий день молодожены возвращались на стойбище жениха и повторяли помазание с нанесением знаков его семьи [Там же: 130–131].

Четвертый тезис в защиту теории группового брака также недостаточно убедителен. Участие в союзе «товарищества по жене» действительно предполагало обладание определенными правами и выполнение некоторых обязанностей по отношению к лицам, входящим в *н'эв-тумгын*. Однако такое регулирование отношений свойственно не только партнерам и родственникам по браку. В традиционных обществах человек, выстраивая схему своего поведения, определяет положение окружающих его людей по отношению к себе и друг к другу, во-первых, через систему родственных категорий, во-вторых, через представления, связанные с половозрастной структурой общества, а брак является всего лишь одной из разновидностей социального родства. Поэтому наличие прав и обязанностей в отно-

шениях между некоторыми членами общества вовсе не обязательно свидетельствует о пребывании этих лиц в браке между собой или в отношениях свойства.

Наконец, трактование номенклатуры родства чукчей как системы, свидетельствующей о существовании у них в недавнем прошлом группового брака между родственниками определенного возрастного класса, является необоснованным. Слабость данного аргумента признавалась даже теми, кто его предлагал [Симченко 1970: 316–317]. Чукотская СТР относится к линейному типу, характеризующемуся четким разграничением прямой линии от боковых и нерелевантностью пола связующего родственника [Крюков 1972: 37]. Как показывают кросс-культурные исследования, многие общества охотников и собирателей, не знающих ни родовых структур, ни больших патриархальных семей, обладают именно линейной СТР, что связывается с особенностями их семейно-родственной организации. Так, родовые и большесемейные структуры исключают возможность развития линейного типа, во всяком случае, делают его маловероятным. И напротив, доминирование нуклеарных семей способствует развитию принципов линейности [Коротаев 1999: 129]. Что касается чукчей, то основной единицей их общественного устройства было стойбище/поселок, состоящее из нескольких малых семей. Классификационные СТР им просто не требовались, т.к. круг социальных связей отдельного человека был слишком узок. Таким образом, особенности номенклатуры родства у чукчей не связаны с гипотетическим групповым браком, она скорее находит свое обоснование в их образе жизни, хозяйственной деятельности и семейном укладе.

Итак, с учетом всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что традиция «мены жен» не является пережитком группового брака. Ее следует рассматривать в иных терминах — как практику, направленную на создание дополнительных связей между людьми, осуществляемую по модели родственных отношений, а также как механизм переоформления, т.е. укрепления, уже существующего биологического родства.

Такие отношения, выстраиваемые по аналогии с «реальными» родственными связями, но не воспринимаемые людьми как подлинное биологическое родство, получили название фиктивного родства, а также псевдородства, искусственного родства, квазиродства. Определение сущности данного явления часто сводится к перечислению возможных форм фиктив-

ного родства, к каковым относят: адопцию, побратимство, куначество, аталычество, кумовство, «братство по кораблю», шуточное родство, территориальное родство и т.д. Полагаю, что «товарищество по жене» вполне может продолжить этот список. С одной стороны, оно может быть сопоставлено с побратимством, т.к. «товарищи», по представлениям чукчей, становились родственниками по мужской линии. С другой — «товарищество», как и куначество, тесно связано с гостевым этикетом: «товарищи» осуществляли свое право на жен друг друга именно в гостевой форме, т.е. посещая стойбища друг друга [Богораз 1899: 34–35; 1934: 135; Кобелев 1978: 165; Крашенинников 1949: 449–450, 728, 737]. Однако следует различать обычай «мены жен» и «гостеприимную проституцию». В.Г. Богоразом была тонко подмечена нетождественность данных явлений, на страницах своей монографии он признавался: «Во время моих поездок мне никогда не предлагали “гостеприимную проституцию”, но часто очень наивно и бесстыдно меня просили вступить в групповой брак, зная, что у меня есть русская жена» [Богораз 1934: 139]. «Гостеприимная проституция» — явление казуальное, разовое, не предполагающее дальнейшего взаимодействия людей. Данная традиция носила экстраординарный характер и вступала в силу тогда, когда происходило нарушение естественного хода событий каждодневной жизни, чем, несомненно, являлось появление «чужака», «постороннего» в коллективе. А обычай *н'эв-тумгын* предполагал иной сценарий развития отношений, обуславливавших наличие как материальных, так и духовных, долговременных (можно сказать пожизненных) обязательств, распространявшихся даже на их потомков. Однажды свершившаяся сексуальная близость человека с женой его «товарища» впоследствии многократно воспроизводилась, в результате чего происходила ее постоянная актуализация, а следовательно, и актуализация сформировавшейся социальной связи. Нечастые, но регулярные посещения «товарищей» были необходимым условием для полноценного функционирования союза между семьями. Порой «товарищи» даже могли поменяться женами на достаточно длительный срок (до нескольких месяцев) «или даже навсегда» [Богораз 1934: 137], чего не происходило при «гостеприимной проституции».

Установление таких отношений могло стать поведенческой стратегией человека в различных жизненных ситуациях: при осуществлении торговых сделок, контактах с чужеземцами,

необходимости интенсификации взаимоотношений с соседями или укрепления уже существующей, но ослабленной родственности, в тяжелом материальном положении и т.д. Но все эти случаи объединяет то, что они так или иначе были направлены на расширение социальных связей индивида, осуществляемое через конструирование родственных отношений.

¹ Термин, введенный Л.Г. Морганом. Согласно теории Л.Г. Моргана, кровнородственная семья — первичная форма группового брака, которую сменила пуналуальная семья — поздняя форма группового брака, исключившая из брачных связей родных братьев и сестер.

Богораз 1899 — *Богораз В.Г.* Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края: с картою маршрутов // ИВСОРГО. 1899. Т. 30. № 1. С. 1–51.

Богораз 1934 — *Богораз В.Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1.

Вдовин 1948 — *Вдовин И.С.* Из истории общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3. С. 56–70.

Вдовин 1965 — *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965.

Кобелев 1978 — *Кобелев И.* Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землицу сотника И. Кобелева // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. С. 161–165.

Коротаев 1999 — *Коротаев А.В.* О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (к дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой) // АР-3. С. 117–147.

Крашенинников 1949 — *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949.

Крюков 1972 — *Крюков М.В.* Система родства китайцев: эволюция и закономерности. М.: Наука, 1972.

Максимов 1908 — *Максимов А.Н.* Групповой брак / Отт. из «ЭО». Кн. 78. М.: Тип. Императ. Московского ун-та, 1908.

Чукотско-русский словарь 2005 — *Молл Т.А., Инэнликэй П.И.* Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2005.

Морган 1934 — *Морган Л.Г.* Древнее общество. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.

Симченко 1970 — *Симченко Ю.Б.* Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири: коряки, чукчи, ительмены, эскимосы // Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII — нач. XX в. М.: Наука, 1970.